«Каб-Балк. правда», 1984, 5 мар.

Память

ЦВЕТ МЕЧТЫ

И потянет вдруг терпким и сладким запахом. Запахом детства, откуда мы все пришли и где все было так ясно и просто.

...Мы в театре. Мне тепло на руках у матери. С наслаждением вдыхаю родной запах. Теснее прижимаюсь к ее груди и прислушиваюсь: тут-тук, тук-тук... Сердце матери то будто бьется во мне, то вдруг затихает. Внезапно меня бросает в холод: мне кажется, она перестала дышать. Испуганно открываю глаза и вижу: в глазах матери блестящие слезинки. Успокаиваюсь: снова блаженное тепло, и я засыпаю.

...Меня будто окунули в прохладу. Плыву в ночь. Теплый ветер доносит какие-то голоса. Театр... Мурат Болов... Я на руках у матери. Над головой огромное, звездное небо. И луна. И вот я плыву в ночи, плыву за луной, скользящей медленно, плавно. Так бы — всю жизнь...

Теперь я крепко стою на босых ногах. Уже знаю, что такое театр. Больше того, мне посчастливилось оказаться совсем рядом с машиной, накрытой брезентом. Оттуда вот-вот должны появиться артисты. Помню, их появление встречали аплодисментами. Ну, а когда показывался Мурат Хажмурзович, мне удавалось одному из первых пожать ему руку. Он был моим кумиром. Замечал ли Болов босоногого мальчика, который считал его самым красивым артистом в мире?

Вечером, в овчинном тулупе пробравшись в зал, я устраивался прямо на полу, у сцены, и с нетерпением ждал, когда, наконец, поднимется занавес. Смотрел на знакомые лица односельчан и радовался за них. Почему-то в эти минуты особенно гордился ими. Гордился и собой. Мне казалось, что я невидимая, связующая нить между залом и сценой, что от меня зависит все происходящее там. И это был праздник. Праздник моего детства.

Уже тогда, сидя на полу, явственно представлял свою мечту, даже ощущал ее цвет. То был цвет тяжелого зеленого занавеса, пропитанного пылью и запахом красок, цвет юпитеров под потолком, декораций, костюмов, в которых артисты выходили на сцену, цвет сбитого сотнями каблуков добела дырявого пола, красивых лиц моих земляков, на которых оставили свои отпечатки солнце, ветер, снег и дождь. Чувствовал цвет моей мечты в словах: «Я буду артистом!»

Мог ли знать тогда, сидя на полу, что пройдет не так уж много времени, и я буду приходить в небольшой, уютный театр имени Али Шогенцукова и на моих руках будет спать мой сын. Он будет вздрагивать, открывать глаза, улыбаться, крепче прижиматься к моему телу, чтобы слиться с моим дыханием, с моим сердцем. Мечте не суждено было сбыться, Мурат Хажмурзович! Я не стал артистом. Я сижу с сыном у самой сцены и, как бывало в далеком детстве, которого теперь никогда уже не вернуть, жду, когда поднимется занавес. Ваш выход, Мурат Хажмурзович! Я по-прежнему люблю Вас. Люблю театр.

Лицо Мурата всегда светилось добротой и душевным покоем. Таким я его видел последний раз. Таким и запомнил на всю жизнь.

Адам Шогенцуков с присущей ему откровенностью сказал как-то о своем друге: «Кабардинскому театру во многом повезло, что на его сцене творил и жил такой художник, как Мурат Болов. В истории нашего сценического искусства его творчество, несомненно, является одной из ярчайших страниц. Наиболее значительные успехи, а они есть у нашего национального театра, мы по праву связываем с именем этого артиста».

Жизнь М. Болова ассоциируется в моем сознании с могучим деревом. Оно проросло своими мощными корнями в самые глубины национального сценического искусства. Казалось, это на века. Ничто не могло подточить этот ствол в несколько обхватов крепких человеческих рук. Но это удалось сделать болезни. Сдержанный, скупой на похвалу, он остро, порой резко реагировал, когда говорили, что зритель теперь не театральный. От артистической молодежи требовал не рассуждений, а работы до седьмого пота. Выходец из народа, он отличался высоким интеллектом, культурой, иначе и не могло быть у этой богато одаренной натуры, да и сказывалось, наверное, то, что он являлся все-таки учеником МХАТа. И всегда оставался при этом самим собой.

С ним было одновременно и трудно, и легко. Он мог в полночь под луной читать с листа твои незрелые литературные откровения. Этаким радушным хозяином затащит целую компанию в свой дом, который всегда был приветлив и чистосердечен, где всегда радовались гостям. Где ты, чуточку охмелевший от доброго виноградного вина, смотришь на хозяина, сидящего рядом с тобой, и думаешь, как, оказывается, в сущности, человеку мало надо: любить друг друга, быть добрым, быть вместе. Прекрасный переводчик классической драматургии (об этом мало кто знает) на родной язык, он придавал огромное значение слову. Вряд ли на сцене кабардинского театра есть актер с такой речью. Ясная, четкая, звучная, она привлекала всеобщее внимание и цепко удерживала зрителя. Речь под стать его героям. Сегодня, перебирая в памяти работы Болова, думаешь прежде всего о главном — о его неукротимом желании утверждать идеалы своего времени, своего народа. Гражданственность была сутью его натуры.

В жизни ему повезло. Посчастливилось соприкоснуться с образом Ленина. После работы над ролью Владимира Ильича в спектакле «Кремлевские куранты» Болов вспоминал: «Трудно было проникнуть в тогдашнее состояние вождя, понять, почему он так беспредельно верил в победу революции, несмотря на казавшуюся безысходность положения. Может быть, мне удалось показать эту веру вождя более убедительно благодаря тому, что я сам — свидетель расцвета страны, который он предвидел и чему посвятил всю свою жизнь».

Роль Владимира Ильича Ленина — это мечта каждого большого художника, но сыграть ее суждено только избранным актерам.. В одном из интервью народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев поделился мыслями о творчестве Мурата: «Болов — ученик, и достойный ученик Москвина и Леонидова, Тарханова и Судакова, Ефремова и Пажитнова, классиков русской сцены. Он ученик действительно великой школы МХАТа. И заслуга Мурата, мне кажется, в том, что прекрасную школу этих гигантов он привнес на кабардинскую сцену, обогатив ее чертами национальной культуры. Поэтому, наверное, он и стал выдающимся и подлинно народным артистом. И если сегодня многие из лучших образцов мировой драматургии стали достоянием кабардинского зрителя, если, наконец, на этом языке заговорил величайший человек эпохи — Владимир Ильич Ленин, то заслуга в том принадлежит прежде всего Мурату Болову. Я человек, не понимающий кабардинского языка, прекрасно чувствую язык искусства Мурата, потому что высокое и правдивое искусство, какому бы народу оно ни принадлежало, всегда говорит на одном и том же языке — общечеловеческом».

Об этой работе много говорили и писали, в ней воплотилась вся жизнь актера. Ни один художник, как сказал народный артист СССР Борис Смирнов, дерзнувший прикоснуться к ленинской теме, не может сказать о себе: «Я достиг всего, к чему стремился. Самое существо этой темы зовет к вечному движению, к постижению все новых граней ленинского характера, зовет к все новым раздумьям над жизнью и совершенствованию мастерства». И все-таки, думаю, в душе Мурат Хажмурзович мог сказать, что достиг всего, к чему стремился.

Наверное, не раз будут театральные критики возвращаться на страницах газет и журналов к самобытной игре, да и не только игре, — человеческой жизни Мурата Хажмурзовича Болова. И он этого стоит.

Красивую жизнь он прожил. Это был человек большой порядочности, любил людей. Очень добрый по природе, он не мог не взывать к доброте других. И все мы, знавшие и любившие его, не раз будем возвращаться в своей памяти к нему, к тому, что он проповедовал своим творчеством, всей жизнью — любви к людям.

А. МАМХЕГОВ.